

14 июля 1954 г.

ЧЕХОВ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТР

ПЕРВАЯ встреча Чехова с Художественным театром произошла 17 декабря 1898 года, когда была поставлена его пьеса «Чайка». Это был шестой спектакль молодого театра и первый, в котором исполнялась пьеса современного русского драматурга. Спектакль этот решил судьбу Художественного театра и всей драматургии Чехова.

В «Чайке» Чехов подводил итог своим долгим размышлениям о театре и драматургии. В пьесе мы встречаем двух актрис, двух драматургов и двух убежденных театралов (Шамраев, Дорн). В пьесе ведутся горячие споры о театре, о его прошлом, настоящем и будущем. В спектакле происходит даже представление новой пьесы, якобы открывающей новый путь для русского театра. Молодой драматург Треплев говорит про свою мать — известную артистку: «Она любит театр, ей кажется, что она служит человечеству, святому искусству, а по-моему современный театр — это рутинная, предрассудок». От современного театра приходится бежать, «как Мопассан бежал от Эйфелевой башни, которая давила ему мозг своей пошлостью».

Так сам Чехов — художник, мыслитель, драматург — «бежал» от театра и драматургии 1880-х годов, давивших его своей рутинной и пошлой чуждостью.

В «Чайке» Чехов выразил свое отрицательное отношение к буржуазному упадочному театру, пытавшемуся по-ремесленному, сухо и слепо фотографировать жизнь, не освещая ее никакой мыслью, никакой руководящей идеей. И в той же «Чайке» выражена тоска Чехова по большому искусству, в котором вечно обновляющаяся свежесть формы, смелость художественного построения сочетаются с могучим зовом передовой мысли.

В 1887 году, когда Чехов создавал свою драму «Иванов», он писал: «Художественная литература потону и называется художественной, что раисует жизнь такую, какова она

есть на самом деле. Ее назначение — правда безусловная, честная».

Прикрашивание реакционной действительности, потворство вкусам буржуазной толпы, сладкую чувствительность и мелодраматическую слезливость Чехов признавал пороком современного ему театра и литературы. Он сурово и мудро утверждал: «Литератор не кондитер, не косметик, не увеселитель; он человек обязательный, законтрактованный сознанием своего долга и совестью».

Борясь с театральной рутинной, с драматургическим шаблоном, преодолевая условность понятий «драма», «комедия», «роль», «амплуа», «сценичность» и т. д., Чехов, как чуткий и зоркий реалист, изображал в своих пьесах русскую жизнь такую, какая она есть. Но нет реплики, нет мгновения в действии его драм, когда бы не чувствовалась зрительными мыслью: не такую должна быть жизнь, не такую должна быть любовь и семья, не такую следует быть науке и школе и не так, как живут Соринны («Чайка»), Войнички («Дядя Ваня»), Прозоровы («Три сестры»), следует жить всем людям.

Для того, чтобы показать на сцене жизненную правду и тонкую поэзию Чехова-драматурга, для того, чтобы обнаружить его глубокое отвращение к реакционной действительности и его высокую веру в светлое будущее русских людей, требовался новый театр с новым отношением к искусству.

Таким театром, близким Чехову, явился Московский Художественный театр, основанный в 1898 году К. С. Станиславским и Вл. И. Немировичем-Данченко.

«Программа начинающегося дела была революционна. Мы протесто-

вали и против старой манеры игры, и против театральности, и против ложного пафоса, декламации, и против актерского наигрыша, и против дурных условностей постановки, декораций, и против премьерства, которое портило ансамбль, и против всего строя спектаклей, и против ничтожного репертуара тогдашних театров».

Все, против чего протестовали основатели Художественного театра, это — то самое, против чего протестовал Чехов-драматург каждой строкой своих пьес и всем существом своей драматургии.

Провалившись в старом театре «Чайка» имела в Художественном театре огромный успех. Театр нашел для чеховской пьесы таких исполнителей (О. Л. Книппер-Чехова, М. П. Лилина, К. С. Станиславский, А. Р. Артем, В. В. Лужский и т. д.), которые верно почувствовали правду и поэзию чеховской пьесы и нашли с помощью режиссеров-новаторов К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко те новые ритмы, те свежие краски, при которых пьеса Чехова захватила зрителя своей смелой правдой, своим внутренним драматизмом и лирическим волнением.

Вл. И. Немирович-Данченко телеграфировал Чехову в ночь спектакля:

«Успех колоссальный. С первого акта пьеса так захватила, что потом следовал рид триумфов. Вызовы бесконечные. На мое заявление после третьего акта, что автора в театре нет, публика потребовала послать тебе от нее телеграмму. Мы сумасшедшие от счастья. Все тебя крепко целуем».

Это был успех драматургии Чехова, успех правды на сцене, простоты в актере, мысли в спектакле, жизни в театре. Чехов не находил слов для признательности театру, понавившему его творческую волю драматурга, борющегося за новую правду в театре.

«Дядя Ваня» предназначался Че-

ховым для Малого театра, но театрально-литературный комитет, без одобрения которого не могли идти пьесы на императорской сцене, предложил Чехову внести исправления в пьесу. Чехов отказался и отдал «Дядю Ваню» в Художественный театр. Этот театр вложил в постановку «Дяди Вани» тончайшее понимание внутреннего драматизма этих «сцен из деревенской жизни» и создал спектакль, которому суждены были долгая жизнь и все более и более растущий успех. «Дядя Ваня» прошел 316 раз и пользовался особой любовью у зрителей. О том, какое впечатление производила эта внешне простая, но внутренне глубокая пьеса Чехова на современников, лучше всего судить по письму А. М. Горького к А. П. Чехову:

«Попал в театр к третьему акту «Дяди Вани». Опять «Дядя Ваня». Опять. И еще я нарочно поеду смотреть эту пьесу».

Об исполнителях пьесы (Соня — М. П. Дилина, Елена Андреевна — О. Л. Книппер-Чехова, Астров — К. С. Станиславский, Телегин — А. Р. Артем и т. д.) Горький писал: «Все они играют дивно!.. Какие они все умные, интеллигентные люди, сколько у них художественного чутья!.. Я, знаете, даже представить себе не мог такой игры и обстановки».

Этот отзыв Горького о «Дяде Ване» могли бы от души повторить многие тысячи зрителей, видевших эту пьесу в исполнении Художественного театра.

Театр К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко дал новую жизнь пьесам Чехова, написанным до основания этого театра. «Чайка», «Дядя Ваня», «Иванов» навсегда вошли в репертуар русского и зарубежного театров.

Художественный театр вернул Чехова к деятельности драматурга. Он написал для Художественного театра новые пьесы — «Три сестры» (1900 год) и «Вишневый сад» (1903 год).

«Три сестры» — лучший чеховский спектакль дореволюционного Художественного театра. Он остался

лучшим чеховским спектаклем и в советском Художественном театре.

В спектакле «Три сестры» сильнее заучули мотивы бодрости, веры в жизнь, уверенности в лучшем будущем — мотивы, всегда присущие Чехову-драматургу. И теперь, через несколько десятилетий, вспоминается то живое, сильное впечатление, какое производили в устах В. И. Качалова слова Тузенбаха:

«Пришло время, надвигается на всех нас громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идет, уже близка и скоро слует с нашего общества день, равнодушные, преубежденные к труду, гнилую скуку. Я буду работать, а через какие-нибудь 25—30 лет работать будет уже каждый человек. Каждый!».

В этих горячих, убежденных словах, с несравненной искренностью и простотой передававшихся В. И. Качаловым, было предвестие не одной, а двух революций: после первой бури 1905 года последовала — и скорее, чем предвидел Чехов, — великая гроза 1917 года. Тузенбах оказался прав — после Великой Октябрьской социалистической революции работать стал каждый, участвуя в строительстве нового, социалистического общества.

Последним произведением Чехова была его пьеса «Вишневый сад», написанная для Художественного театра.

Уходя из жизни, Чехов в этой последней пьесе славил жизнь, слал привет молодым силам, рвущимся к борьбе за новую жизнь.

Многие театры в течение полувека ставили «Вишневый сад» с большим успехом, но сколько ни приходилось за полвека видеть постановок «Вишневый сад», неизменно слышалось убеждение: постановка Художественного театра осталась никем не превзойденной. Никто так не сроднился с Чеховым — художником, поэтом, мыслителем и просто с Чеховым-человеком, как сроднился с ним Художественный театр, вложив всю свою душу в постановку последней его пьесы.

На первом представлении «Вишневый сад» — 17 января 1904 го-

да, — совпавшем с 25-летием деятельности А. П. Чехова, Вл. И. Немирович-Данченко обратился к Антону Павловичу со словами: «Наш театр в такой степени обязан твоему таланту, твоему нежному сердцу, твоей чистой душе, что ты по праву можешь сказать: это мой театр, театр Чехова».

В свою очередь Чехов признавал Художественный театр лучшим русским театром, с которым связано все будущее театрального искусства: «Художественный театр это лучшая страница той книги, которая будет когда-либо написана о современном русском театре... Это — единственный театр, который я люблю».

В советскую эпоху Художественный театр продолжал свою работу над драматургией Чехова. Он обновил постановку «Вишневый сад», которую видел сам Чехов, и дал две новые постановки пьес «Три сестры» и «Дядя Ваня».

К. С. Станиславский, возобновляя «Вишневый сад», утверждал, что это «живая для нас, близкая современная пьеса», так как Чехов в ней «смотрит не назад, а вперед».

Во всей своей драматургии Чехов «смотрит не назад, а вперед», он верит в лучшее будущее для своего народа и для всего человечества. И в новых постановках, сделанных Вл. И. Немировичем-Данченко («Три сестры») и М. Н. Кедровым («Дядя Ваня»), Художественный театр стремился к тому, чтобы в них звучала эта вера Чехова в торжество человечности и мира в жизни всех стран и народов.

Не только «Вишневый сад», но и другие пьесы Чехова в Художественном театре, в театрах СССР и в лучших зарубежных театрах звучат и должны звучать так, как Станиславский требовал от постановщиков «Вишневый сад», — звучать светлым приветом:

«Здравствуй, новая жизнь!».

Этот призыв к новой жизни в духе человечности, мира, свободы бодро слышится из уст Чехова-драматурга и вызывает сочувственный отклик в миллионах зрителей во всем мире.